

Открывается заветная дверь, и оттуда, из недоступной мне страны, выходит нестареющая девушка в белом — белом халате и огромном, странно завитом колпаке, даже не белом, а воистину хрустальном. Это акушерка.

— Вы папа? — И произносит фамилию. — Держите.

Держу, задержав дыхание. Что-то очень маленькое, просто крохотное. Ах да, вспоминаю, так и есть: маленькая девочка, два девятьсот весу и сорок девять росту. Кроха. Завернутая в одеяльце буханочка. Батончик за восемнадцать копеек. Нет, скорее за шестнадцать.

Первое ее имя таким и было — Батончик.

Я нес ее вниз, к такси, рядом шла мама Батончика, и всё не мог понять, свыкнуться: ее не было еще вчера, и — вот! Откуда? Нет, все-таки фантастика!

Смешно, но, как и всякий, я прекрасно знал, и давно: почему и откуда. Но не мог свыкнуться. Откуда? Фантастика!

Так что есть фантастика? Вот о чем эти и последующие строки.

Как и положено во всяком невероятно-правдивом писании, Батончик рос не по дням, а по часам, и наше солнце даже ночами не думало прятаться за горизонт. Потому что, обучившись управлять мамой и папой, Батончик именно ночами предлагал собственные варианты бытия. Например, засыпать (пытаться заснуть, часами) под мой голос, растепленный тремя гитарными аккордами. Первый акт умиротворения начинался в момент, когда, внимательно следя за мной из-за прутьев своей кровати-тюрьмы, Батончик видел, что я беру в руки гитару и затем начинаю перебирать струны. Вовсе не странно, что тогда он, Батончик, явно предпочитал веселого Кима мужественному Городницкому и печально-мудрому Окуджаве. Лихие песни «На далеком Севере ходит рыба-кит» и «Через глаз повязка, через череп шрам» звучали у нас ночами так долго, что, когда много лет спустя я познакомил Батончика с автором этих несомненных шедевров, моя, ставшая взрослой дочь долго качала головкой, увенчанной модной стрижкой «под мальчика»: «Папа, не может быть, это фантастика! Это — он?!»

Так схлопывается время. Вот что это такое. (Кстати, схлопывалось оно у нас не однажды. Например, на пляже в Коктебеле. Поблескивая в закатных лучах бронзоватым торсом, к нам подошел Городницкий. «Тот самый?!» — ахнул Батончик. Чтобы переплавить фантастику в реальность, я их сфотографировал — вдвоем, в обнимку. Как для кого, а по мне это тоже фантастика.)

Но это потом, когда мы еще не схлопывались. А тогда, уже вскоре, Батончик получил приставку к своему имени. Червяк.

Обессиленный, пропев много песенок и затем наконец добравшись до супружеского ложа, я засыпал, но вскоре чувствовал шевеление под одеялом. А дело в том, что к четырем годам Батончик получил свободу: вместо кровати-тюрьмы в своей детской он теперь спал на просторном диванчике. И вот, проспав там не более получаса после окончания папиного концерта, переползал в другую комнату, то есть именно на

супружеское ложе. Умацивался между теплыми телами родителей и тут же затихал, уже до утра. А утром я изображал удивление: «Опять приполз, Батончик? У, червяк!..»

Батончик-Червяк подрос и научился читать, чему я был несказанно рад еще и потому, что полагал: уж теперь-то в начале ночи смогу уделять внимание матери этого нахального создания. Отнюдь.

Батончик-Червяк мог читать на ночь глядя только тогда, когда папа сидел рядышком. Это длилось опять же с полчаса. Потом, после захлопывания книжки, следовало: «А теперь Расскажи мне что-нибудь интересненькое! И почешу мне ручку».

Это — «почешу мне ручку» — длилось, кажется мне, лет десять: всякий раз перед сном я должен был присесть на детский диванчик и, тихоночьно рассказывая что-то, почесывать влажную ладошку. Постепенно ладошка расслаблялась. Я целовал ее, слышал легкий вздох и на цыпочках уходил...

Впрочем, это только начало, это только еще начиналась наша фантастика! Был Батончик-Червяк и Почешу-Мне-Ручку, но кроме того...

Кроме того жил-был морж Ирвин.

Дело в том, что так мне не повезло, именно мне. Ну представьте себе: почти рядом с вашим домом — зоопарк. И имел же папа глупость когда-то сводить туда маленького ребенка! Что дальше? Дальше — всегда.

Всякий раз, когда выдавалось скучное безвременье, следовал императив: «Как куда? В зоопарк!»

Мы знали уже каждый его закоулок, каждую клетку. Летом — одни звери, зимой — другие. Зимой мы там ездили на санках (я в роли возницы, понятно), летом на закорках. Но именно летом складывалось самое фантастическое.

Представьте себе опять же: жара, открыты все окна, а до зоопарка всего-то несколько сот метров. Сначала там, под вечер, переключаются утки, гуся и журавли, а вот ночью принимается орать морж. И как! Трубно, протяжно, тревожно, на всю нашу округу. Зовет кого-то. Ясно кого. «Ирвин!» — радовалась дочь, узнавая тяжкий клич знакомого. «Да-да, Ирвин. Это он тебе говорит «спокойной ночи», — привирал я. — Спи, Червяк, спи!..» — «Ирвин, мой Ирвин!» — шептал засыпющий Червяк...

У норвежского моржа Ирвина была невзрачная серая гладкая шкура с толстыми жировыми складами ниже шеи, но зато он обладал тем, чего нет ни у кого на нашем свете. Серебряные усы! И какие! Россыпь белых-пребелых сосулук, которые замерзшим водопадиком ниспадают с верхней губы. Кажется, тронь палочкой, и зазвенит, и ни одна не обломится, не то что у нас на крышах в марте. Это так мне объяснил Батончик-Червяк. Вполне грамотно.

Мы ходили в гости к Ирвину, как правило, раз в неделю. Он леньно плавал меж бетонных берегов в длинном s-образном бассейне, изредка выбирался на настил, чесал лапами морду, шумно вздыхал и опять плюхался в мутную воду. Изредка — и это мы любили больше всего — он подплывал именно к на-

шему бортику и выставял морду с круглыми, черными, немигающими глазами. Черные глаза и серебряные, ниспадающими сосульками усы. «Ирвин! — принималась кричать моя дочь, хлопая в ладоши. — Спасибо!»

Про серебро — это сказано не зря, скоро поймете. Прошло пару лет, и Ирвин исчез, неведомо куда. «Да ясно куда, — принимался фантазировать я, успокаивая Батончика-Червяка. — На Северный полюс, конечно. Ну погостил он тут у нас, а теперь пора и домой, к жене-моржихе и деткам-моржаткам. Побудет с ними и как-нибудь приедет к нам опять». — «Когда?» — слышался недоверчивый вопрос. «Вот ты подрастешь...»

Да, серебряных усов мы больше так и не увидели, но они были и остались частью нашей фантастики. Мы подрастали, и настал черед следующей фантастики. Она материализовалась рядом, в двух шагах от зоопарка и в трех от нашего дома. Это — детский кинотеатр «Баррикады».

Сплошные мультики, но любимой для нас стала, конечно, «Тайна третьей планеты». Короче, «Тайна».

Опять же раз в неделю — как правило, по субботам. Мне казалось, что вскоре, в отличие от дочери, я возненавижу эту «Тайну», но вот странность: как и она, смотрел с удовольствием. Еще бы! Я-то знал, кто ее, тайну, сотворил...

Это тоже было серебро: серебряный ливень, приключившийся для нас в ту новогоднюю ночь. Кругом сквозило. И ясно почему. Это мама Батончика-Червяка постоянно открывала форточки во всех комнатах, потому что ей казалось, что у нас очень душно и все время чем-то пахнет. А тут, в новогоднюю ночь, еще и свечи горят, и запах пирога с яблоками, только что вынутого из духовки.

Хорошее было время в нашем доме: где-то к часу ночи, встретив самый Новый год в кругу домочадцев, шляться с бокалом в руке по соседям! Поздравишь, расцелуешься — и к соседям следующим. Или кто-то к тебе. Сквозняк. Круговерть. Любовь.

Под сквозняком кружились шары на нашей елке, ниспадающие линии серебряного дождя грозили обрушиться ливнем, свечные огоньки, как живые, и вовсе раскачивались туда-сюда, сами свечи весело потрескивали, сбрасывая в подножия подсвечников капельки, а то и струйки воска. Жил сквозняк, и под его дуновениями тоже жило все — елка, свечи, шампанское в бокалах, мы сами.

Вот так сквозняк и погнал меня к ближним соседям — с дочкой на одной руке и бокалом шампанского в другой. К Тенгизу и Наташе. А Наташа — это не просто Наташа, а та, которая рисовала тайну — «Тайну третьей планеты». Художник-мультипликатор. Только дочь моя этого еще не знала.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

«Ну что же ты, папа, — деланно упрекает меня Наташа, — не сказал Червяку об этом? На, держи! — И, достав книжку из шкафа, дарит. — Это «Тайна третьей планеты». Читать умеешь? Вот, читай».

Червяк на моей руке радостно млеет. «Ну, еще раз с Новым годом! — смеется Тенгиз, муж Наташи-художницы, и тут подмигивает мне: — А давай познакомим ее с отцом-основателем тайны — с Киrom! А?»

Мы набиваемся в кабину лифта и едем на восьмой этаж. Нас ведет сквозняк. Мы давно счастливы, а сейчас особенно. Кир Булычев открывает дверь и осыпает нас лукавыми серебряными искорками, которые источают его глаза. «О, и молодая леди с вами! — хохочет, приметив, кого я держу на руке. — Таких почитательниц у меня давно не было!»

Почитательница еще некоторое время не может совместить: тот любимый мультфильм, что она видит раз в неделю в «Баррикадах», и этот добрый, голубоглазый, искрящийся дядя — как это одно и то же? И тетя Наташа, соседка, — это тоже то же? Нет, моя «Тайна» — это совсем отдельное, это мое. А тут — обыкновенная тетя Наташа, обыкновенный дядя Игорь... Нет, ерунда какая-то.

Вот это и есть фантастика, говорю я ей уже следующим днем, когда она разглядывает сразу две книжки, подаренные нам (ей) в новогоднюю ночь, и обе с дарственными надписями. Дядя Игорь написал, а тетя Наташа нарисовала, а потом

ты все это увидела. Фантастика — это чудо, которое делают добрые, веселые и очень любящие нас люди. Она не возникает из ничего. Это мы и есть.

Так я говорил Батончику-Червяку уже много лет тому. Сквозняк. Сквозь время, где все бессмертно и все правда. Это и есть фантастика.

Поэтому:

вослед Игорю — Киру Булычеву, написавшему тайну, вослед Наташе Орловой, нарисовавшей тайну, вослед Батончику-Червяку, десятки раз смотревшей и читавшей тайну, вослед серебряным усам незабвенного Ирвина, вослед нашей елке, искрившейся серебряными сполохами, и главное — вослед сквозняку, который все это и натворил.

Я не знаю, каким будет завтрашнее утро и будет ли оно. Я знаю, каким был истекший день и что за ночь сейчас со мной. Вы скажете: вот это и есть реальность. Ошибаетесь: это опять же фантастика. Потому что рай, о котором говорили-грезили миллионы людей, это вовсе не ТАМ, это именно ЗДЕСЬ. Жизнь — земная, тривиальная — и есть рай. И стоит ли надумывать будущее, которого мы не стоим? Батончик-Червяк был прав: «Папа, почеши мне ручку!» Вот это бы ценить, хранить, познавать. А вы, фантасты лукавые, все о чем-то, о чем-то!..